

С. Г. Ильенко

**ОБ ОПАСНОСТИ ВОПРОСО-ОТВЕТНОГО ДИКТАТА
В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ СФЕРЕ**

Рассматриваются вызывающие тревогу тенденции, характерные для многих современных учебно-методических пособий (для школьников), имеющих вопросно-ответную форму: игнорирование когнитивно-дидактического потенциала вопросно-ответного комплекса, формализация (ведущая к сведению функций учебного издания к функциям кроссворда), этическая, эстетическая, педагогическая глухота и безответственность авторов.

Ключевые слова: дидактика, категория вопроса, вопросно-ответный комплекс, учебные пособия.

S. Pyenko

**ON THE DANGER OF QUESTION-ANSWER DICTATORSHIP
IN PEDAGOGY**

A number of alarming trends typical for many modern secondary school level textbooks based on the question-answer model are regarded, such as ignoring cognitive and didactic potential of the question-answer complex; formalization (which leads to the reduction of teaching functions to those of a crossword puzzle); the authors' ethical, aesthetic, pedagogical deafness and irresponsibility.

Keywords: didactics, the category of question, the question-answer complex, textbooks.

Коммуникация в ее естественном речемыслительном виде предстает, прежде всего, в варианте вопросно-ответной структуры, достаточно разветвленной как в собственно языковом, так и в ментальном аспектах. А если к восприятию этого обобщенного образа (в его диахроническом проявлении) добавить и долю социального воображения, то мысль, что в эволюционном историческом процессе

существовали как периоды с преобладанием вопросов, так и периоды с преобладанием ответов, не покажется абсурдной гипотезой. Продолжая размышления в этом направлении, можно заподозрить, что периоды второго рода с их увлеченностью «ответами» (как правило, прагматически заостренными) могут таить в себе определенные общественно-политические опасности.

Как известно, в социальную сферу существования современного человеческого общества вписывается педагогика в ее теоретическом и практическом преломлении. Об одном таком преломлении, связанном с ориентацией на вопросо-ответную структуру, и пойдет речь.

Одним из всеобъемлющих приемов обучения, опирающимся на принцип диалогизма, является его вопросо-ответная систематизация. В процессе познания категории вопроса — это едва ли не самый главный инструмент, что проявляется и на бытовом уровне. Совсем не случайно в повести Алексея Иванова «Географ глобус пропил», ироничной и печальной, персонажу учителю приписывается горькое признание: «жег глаголом, да назвали балаболом», «не педагог, тем более не учитель, я вопрос, на который каждый из них должен ответить».

Между тем концептуализация вопросо-ответной системы применительно к школьному образованию представлена на современном этапе весьма фрагментарно. Одним из следствий этого становится недостаточный (если не сказать низкий) уровень многих изданий, в которых вопросо-ответный комплекс выступает в качестве композиционной основы.

Нередкостораживает уже само их название: «Литература за 24 часа» — с поражающей своей щегольской лекговесностью аннотацией: «В данном пособии представлены материалы, позволяющие за 24 часа подготовиться к экзамену по русской литературе и получить отметку не ниже четверки» [4].

Однако заглянем в пособие «600 вопросов и 600 ответов по русской литературе» из той же серии «Библиотека учителя» [6]. Начнем с примеров.

Вопрос. Какую рыбу за четверть часа прикончил Собакевич в доме полицмейстера?

Ответ. За четверть часа Собакевич прикончил осетра.

Вопрос. Кто писал: «Я не понимаю, что могло нравиться в нем, и почему Гончарова влюбилась по уши в этого паркетного полотера»?

Ответ. Так писала А. О. Смирнова-Россет в своих «Записках» о Натали и Дантесе.

В качестве объекта анализа это пособие выбрано как одно из тех, в котором отразились наиболее заметные огрехи изданий этого рода последних лет. Ориентация только на одно пособие связана с необходимостью представить его как некое целое, откуда и обилие приводимого нами иллюстративного материала, без которого картина осталась бы недостаточно полной.

Продолжим иллюстрации.

Вопрос. Как назвал Илья Ильич Обломов своего сына?

Ответ. Илья Ильич Обломов назвал своего сына Андреем.

Вопрос. Какую книгу взял с собой А. С. Пушкин, отправляясь в Арзрум?

Ответ. «Божественную комедию» Данте.

В краткой аннотации авторами (Д. Д. Воронцовым и А. П. Масловым) обещано: «Книга предназначена для широкого круга читателей: учащимся она поможет расширить читательский кругозор; учителям будет бесполезна при подготовке к урокам и в проведении олимпиад, предметных недель, викторин; пригодится она и тем, кто серьезно озабочен воспитанием своих детей».

Итак, перед нами попытка создать многоадресное (учитель, учащийся, их родители) и разноаспектное (обучение, воспитание, развлечение) пособие, призванное расширить кругозор школьников, усовершенствовать профессионализм педагогов, помочь родителям в этическом и эстетическом воспитании своих детей. Справедливости ради нужно заметить, что вопросы и ответы, направленные на осуществление выдвинутых целей, в пособии в ряде случаев встречаются, например:

Вопрос. Кто в беседе с Горьким так говорил о русском учительстве: «Если б вы знали, как необходим русской деревне хороший, умный, образованный учитель! У нас в России его необходимо поставить в какие-то особенные условия, и это нужно сделать скорее, если мы понимаем, что без широкого образования народа государство развалится, как дом, сложенный из плохо обожженного кирпича. Учитель должен быть артист, художник, горячо влюбленный в свое дело, а у нас — это чернорабочий, плохо образованный человек, который идет учить ребят в деревню с такой же охотой, с какой пошел бы в ссылку. <...> Нелепо же платить гроши человеку, который призван воспитывать народ, — вы понимаете? — воспитывать народ!»?

Ответ. А. П. Чехов.

Однако подобные сущностные вопросы и тем более развернутые ответы — это почти исключение. Ответы, как и вопросы, во многих случаях крайне формализованы, например: Сколько лет было Хлестакову?

Вряд ли можно доказать, что подобными вопросами решается познавательная, воспитательная или развлекательная задача. А между тем, если затрагивать бессмертную комедию «Ревизор», актуальную до сих пор, то необходимо останавливаться на ее глубинных смыслах, тем более что в современных публикациях, предназначенных для педагогической практики, они представлены. Могу сослаться хотя бы на специальный раздел журнала «Звезда» — «Школьный балл». Игорь Сухих в статье «Русская литература. XIX век» подробно останавливается на известной попытке Гоголя переписать в 1846 году «Ревизора», превратив сатирическую комедию в «религиозную мистерию», «в трагедию позднего пробуждения человеческой души накануне смерти» [13, с. 225].

В предполагаемой трагедии действие пьесы происходит не в реальном уездном городишке, а «в душевном городе, находящемся внутри каждого человека: чиновники — это человеческие страсти, ворующие казну собственной души».

Однако не согласился с Гоголем великий русский актер, первый исполнитель роли городничего, М. С. Щепкин. Вот что он писал: «Не давайте мне никаких намеков, что это-де не чиновники, а наши страсти: нет, я не хочу этой переделки: это люди, настоящие, живые люди, между которыми я возрос и почти состарился — видите ли, какое давнее знакомство. Вы из целого мира собрали несколько лиц в одно сборное место, в одну группу, с этими людьми в десять лет я совершенно сроднился, и вы хотите отнять их у меня. Нет, я вам их не отдам, пока существую. После меня переделывайте хоть в козлов, а до тех пор не уступлю даже Держиморды, потому что и он мне дорог» (М. С. Щепкин — Н. В. Гоголю, 22 мая 1847 года; цитируется по [13]).

Введение этого эпизода позволило бы не только еще раз вдуматься в идейную подоплеку «Ревизора», не только лучше понять трагедию мучительных духовных исканий писателя, но и больше узнать о замечательном актере Щепкине (бывшем крепостном), о театральной жизни России первой половины XIX века, наконец, задуматься о скрытых возможностях драматического искусства, открытого к разным интерпретациям.

Речь идет, таким образом, говоря деликатно, об упущенных возможностях методической обработки представленного материала, и прежде всего — об отсутствии крайне необходимых комментариев.

С особой очевидностью это проявляется в тех случаях, когда в вопросе предлагается обширная цитата, резко расходящаяся с общепринятым восприятием художественных достоинств произведений того или иного писателя:

Вопрос. Кто писал о языке «Мертвых душ» Н. В. Гоголя: «Всмотримся в течение этой речи, и мы увидим — она безжизненна. Это восковой язык, в котором ничего не шевелится, ни одно слово не выдвигается вперед и не хочет сказать больше, чем сказано во всех других. И где бы мы

ни открыли книгу, мы увидим всюду мертвую ткань языка, в которую обернуты все выведенные фигуры, как в свой общий саван. С Гоголя именно в нашем обществе начинается потеря чувства действительности, равно как от него же идет начало и отвращения к ней»?

Ответ. Так писал В. В. Розанов в этюде «Пушкин и Гоголь».

Оставлять ученика под впечатлением крайне несправедливого и высокомерного высказывания субъективного оригинала Розанова похоже на дидактическое преступление.

Но «пострадал» в пособии не один Н. В. Гоголь, пострадал и Лев Толстой.

287-й *вопрос* гласит: За что Л. Н. Толстого отлучили от церкви?

А вот дословный *ответ* авторов:

В своем отрицании семьи, частной собственности и государства Л. Н. Толстой не пощадил и того, на чем держалась вся нравственность и весь смысл жизни народа и интеллигенции — веры в Бога, превратившись в конце концов в ярого сатаниста и атеиста: Иисуса Христа он считал просто человеком, а не сыном Бога, отвергал все его исцеления, глумился над причастием, иконы называл просто досками, измалеванными краской. Удивительно, как долго терпела его церковь: не раз уже выступал против этого ругателя всего христианского человечества Иоанн Кронштадтский.

Составители приводят высказывания Иоанна Кронштадтского, в которых Лев Толстой объявляется «антихристом», «зверем, вышедшим из бездны»; эти высказывания завершаются словами: «Невольно даюсь я диву, как в России могла появиться эта змея, полная яда смертоносного».

Социально-религиозный конфликт между Львом Толстым и Иоанном Кронштадтским, двумя весьма влиятельными духовными авторитетами конца XIX — начала XX века, можно назвать одной из симптоматичных духовно-нравственных драм предреволюционной России, и представлять ее так односторонне и в этическом, и в эстетическом отношении недопустимо, не

говоря уже о беспрецедентной клевете — объявлении писателя «сатанистом». Возникает вопрос, понимают ли составители пособия смысл слов, которые они употребляют.

Проблема религиозных исканий людей, несомненно, поднимается на уроках истории и литературы. В этом русле вполне закономерен и вопрос об отлучении Л. Толстого от церкви. Но освещение его должно сопровождаться тактичностью, педагогической осмотрительностью, ориентацией на Конституцию страны, определяющую отношения школы и церкви. Как нельзя оскорблять чувства верующих, так нельзя оскорблять и чувства людей, стоящих на атеистических позициях, да и просто истинных поклонников творчества великого писателя*.

Примеры же проявления священнослужителями необходимого такта известны. Сошлюсь на следующий эпизод недавнего прошлого. Осенью 1994 года семьей С. Ф. Бондарчука был приглашен архимандрит Тихон для исповеди и причастия кинорежиссера, экранизовавшего «Войну и мир» Л. Толстого и увлекшегося его религиозными взглядами. Сергей Бондарчук признался священнику: «Я все время просил помощи у Толстого...». Фрагмент из главы «Об одной христианской кончине» книги архимандрита Тихона «Святые не святые и другие рассказы» дает представление о том, как удалось разрешить конфликт: «...Поставить Святые Дары для подготовки к причастию можно было только на комод, под изображением писателя. Но это представлялось невыносимым! Толстой при жизни не просто отказывался верить в Таинства Церкви: долгие годы он сознательно и жестоко глумился над ними. Причем с особой изощренностью — именно над Таинством причащения. <...> «Сергей Федорович! — горячо сказал я (архимандрит Тихон. — С. И.). — Толстой был великий, замечательный писатель! Но он никогда не сможет защитить Вас от этих

страшных видений. От них может оградить только Господь!» <...> Бондарчук знал и понимал все не хуже меня. С его разрешения я перенес портрет в гостиную» [1, с. 367]. Причастие было проведено.

Вряд ли есть необходимость подробно комментировать этот пассаж. Внимательный читатель оценит и искренность архимандрита в вере, и его истинно христианское поведение.

В истории литературы отлучение Льва Толстого от церкви обсуждалось неоднократно. Многие оценивали его как исторический «позор России», об этом любознательному читателю будет интересно прочитать в вышедшей в 2013 году и получившей широкий резонанс книге П. В. Басинского «Святой против Льва. Иоанн Кронштадтский и Лев Толстой: история одной вражды» [3].

Замечу также, что оппозиция атеизм vs. религия в ее самых разных вариантах относится к разряду «вечных». А это означает, что говорить об этом «мимоходом» нельзя, как нельзя походя обвинять Л. Толстого в том, что он «превратился в ярого сатаниста и атеиста», и подкреплять этот «вывод» самыми жестокими из наследия Иоанна Кронштадтского словами: «как в России могла появиться эта змея, полная яда смертоносного», — тем более что его противник Лев Толстой ни разу не позволил себе публично оскорбить священника.

Но безответственность становится еще очевидней, когда мы обнаруживаем в пособии 179-й вопрос и ответ на него.

Приведу их:

Вопрос. Кто из великих писателей так писал о мистицизме**?: «Все, что я знаю, я знаю, что есть Бог, и я знаю его.

Только на этом можно основаться твердо и в отношениях к людям, и к себе, и к неземной и вневременной жизни. Я не нахожу этого мистичным, но нахожу, что противоположный взгляд есть мистицизм...»?

Ответ. Это писал Лев Толстой.

Действительно, «это писал Лев Толстой». И нуждается в комментариях как раз именно это его высказывание, а не осуждение его мнимого «ярого сатанизма».

Дело в том, что по-своему верующий Л. Толстой («есть бог, и я знаю его») был человеком нецерковным — он разрешал себе мыслить самостоятельно. Самостоятельно — не значит, однако, безошибочно. Известно, что русская интеллигенция конца XIX — начала XX века в своем подавляющем большинстве восхищалась Толстым-художником, отнюдь не разделяя его религиозных убеждений: А. П. Чехов, М. Горький и др. См., например, письмо М. Горького А. П. Чехову (октябрь 1900 г.): «Изумительно велик этот человек, и поражает он живучестью своего духа, так поражает, что думаешь — подобный ему — невозможен»; «...Не нравится мне его суждение о боге. Какой это бог? Это частица графа Толстого, а не бог, тот бог, без которого людям жить нельзя» [14, с. 341].

В эти годы М. Горький в известной мере принимал богословскую точку зрения о Христе как божьем сыне, в то время как неприятие этого постулата считалось главным грехом. О «склонности» Л. Толстого подменять Христа «собой», о его религиозных исканиях достаточно подробно пишет В. Кантор в книге «Русская классика, или Бытие России» [9]. В уточнении же своего понимания мистики Л. Толстой также отходил от общепринятого, но, с его точки зрения, это не было игнорированием «единения с Богом».

Неоднозначно и его отношение к иконам, особенно к той, которая была ему подарена любимой тетужкой Татьяной Александровной Ергольской (см. главу первую о пяти иконах Л. Толстого в книге П. Басинского [3, с. 16–26]).

При чтении брошюры Д. Д. Воронцова и А. П. Маслова возникает подозрение, что по отношению к Толстому авторов более заботили религиозные проблемы, чем привлечение внимания ученика и учителя к его

художественному творчеству. В вопросах и ответах оно чаще предстает или в слишком формализованном, или в обобщенно-оценочном виде:

Вопрос. Как называется станица, в которой происходит действие повести Л. Н. Толстого «Казачьи»?

Ответ. Новомлиинская.

Вопрос. Как назвала графиня Марья Дмитриевна Наташу Ростову?

Ответ. Графиня Марья Дмитриевна назвала Наташу Ростову «казачком».

Этот настрой на формалистический лад сказывается и при попытках авторов затронуть важнейшие вопросы художественного творчества. Судите сами:

Вопрос. Какой фразой начинается роман «Анна Каренина» и благодаря кому он был написан?

Ответ. Роман «Анна Каренина» начинается фразой: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастная семья несчастлива по-своему».

Роман был написан «благодаря божественному Пушкину», в прозе которого оказался незаконченный отрывок «Гости съезжались на дачу...», поразивший Льва Толстого быстрым введением читателя в гущу событий.

Упрощенность и прямолинейность в подходе к сложнейшим проблемам литературоведения, в данном случае — к проблеме традиций и новаторства, более чем очевидны.

Читатель, надеюсь, не упрекнет меня за обилие иллюстративного материала: ведь без должного внимания к конкретным фактам критика может показаться бездоказательной. Пример одного одиозного вопроса может восприниматься как случайность («с кем не бывает»), но если в пособии добрая половина вопросов не требует ни самостоятельных размышлений, ни наблюдений, связанных с идейными исканиями писателя, ни проникновения в его творческую

манеру в создании композиционной, художественной и языковой структуры произведения, а служит в лучшем случае инструментом проверки памяти ученика, то это опасно. Это создает впечатление о полном пренебрежении к пониманию роли письменного слова в ментальной эволюции человека. К тому же отдельные случаи выхода составителей пособия на «идейно-содержательное поле» оказываются достаточно уязвимыми.

Так, смысл восстания декабристов нельзя трактовать лишь с позиции Ф. И. Тютчева, как это сделано в ответе на 299-й вопрос, в котором процитировано его стихотворение:

Вас развратило самовластье,
И меч его вас поразил,
И в неподкупном беспристрастье
Сей приговор закон скрепил.
Народ, чуждаясь вероломства,
Поносит ваши имена,
И ваша память для потомства,
Как труп, в земле схоронена.

Игнорировать в этом вопросе позицию целой плеяды видных отечественных филологов не только дидактически неосмотрительно, но исторически порочно.

Н. Н. Скатов в статье «Фаланга героев». О нравственно-эстетическом опыте декабризма» (Литературная газета, 2–8 февраля 2011) подтвердил: «Декабристы и Пушкин — то высшее, чего достигла в XIX веке русская история в смысле выражения художественного и человеческого оптимизма». И еще: «Немного найдется подобных декабризму явлений, рассмотрение которых под углом зрения таких эстетических категорий, как прекрасное, возвышенное, трагическое, было бы более оправдано».

Но оценка выбранного нами вопросоответного пособия отнюдь не частный момент, а свидетельство определенных пагубных тенденций в дидактике^{***}. Говоря метафорически, это не что иное, как тен-

денция к сведению форм познавательного процесса к кроссворду.

Кроссворд предназначен для развлечения, в большей или меньшей степени интеллектуального. Пособие же, одно из которых в данном случае рассматривается, должно помогать школьнику непосредственно или с помощью наставника учиться постигать окружающую действительность мировоззренчески, содержательно, этически и эстетически. Школьный предмет «Русская литература» предназначен для того, чтобы подросток научился и полюбил читать художественный текст, открывая для себя его подтексты, стилистические и композиционные достоинства, приобретая со временем умение воспринять настоящий шедевр во всей его полновесности.

Между тем пособие с зазывающим и многообещающим названием «600 вопросов и 600 ответов...» не опирается на сколько-нибудь продуманную типологию вопросо-ответной структуры. Нельзя найти ни содержательного, ни языкового, ни дидактического основания для понимания необъяснимой пестроты самой подачи того или иного конкретного вопросо-ответного комплекса. Вызывает недоумение подчеркнутое пристрастие к вопросам, связанным с началом и концом произведения, например: Какое произведение Л. Н. Толстого начинается словами: «Все затихло в Москве»?; Какой рассказ Ю. Н. Тынянова начинается фразой: «Император Павел дремал у открытого окна»?; Какая повесть Н. С. Лескова начинается фразой: «Мы плыли по Ладожскому озеру»? Ответы при этом односложные: «Казачи», «Подпоручик Киже», «Очарованный странник», соответственно.

Односложность ответа в таких случаях лишь однажды сменяется его распространенным вариантом. Приведу вопросо-ответный комплекс полностью:

Вопрос. Какое произведение М. Ю. Лермонтова заканчивается фразой: «Да и какое дело мне до радостей и бедствий человеческих, мне, странст-

вующему офицеру, да еще с подорожной по казенной надобности!..»?

Ответ. «Тамань». Помимо того, что эта фраза чудесна по своему ритму, построению и подбору слов, она отражает еще глубочайшую философскую мысль — вмешиваться ли в «бедствия и радости» человеческие, или махнуть на них рукой и стать бесстрастным, как стоики в Древней Греции, буддисты в Китае, йоги в Индии, и т. д.

Ответ достаточно распространенный, но завершенности в нем нет, поскольку помочь школьнику в решении названной «глубочайшей философской мысли» авторы не сочли нужным.

Но есть и случаи еще более уязвимой представленности вопросо-ответного комплекса, которые по своей смысловой несогласованности так и просят назвать их «в огороде бузина, а в Киеве дядька»:

Вопрос. Кто из писателей, находясь в Одессе в 1919 году, часто заходил к И. А. Бунину, учась у него, и в конце концов написал рассказ об обреченности белых и победе революции?

Ответ. В. Катаев. А в 1974 г. в статье «Предательство не прощается» он пишет: «С чувством облегчения прочитал я о том, что Верховный Совет СССР лишил гражданства Солженицына, что наше общество избавилось от него».

Вопрос. Какой писатель был дружен с семьей Ежова и погиб в лагере, когда последнего сменил Берия?

Ответ. Исаак Эммануилович Бабель (1894–1941). Родился в Одессе. Служил в 1-й Конной армии. Написал «Конармию» и «Одесские рассказы» с истинно классическим мастерством.

Нельзя не упрекнуть авторов и в проявлении, мягко говоря, непонятной беззаботности при обращении к острым проблемам, связанным с весьма непросто складывающимися отношениями между Россией и Кавказом. Разве можно без всякой оговорки (словно бы для общего сведения) подавать одну из пушкинских цитат:

Вопрос. Из какого произведения А. С. Пушкина цитата: «Черкесы нас ненавидят. Мы вытеснили их из привольных пастбищ; аулы их разорены, целые племена уничтожены... Здешняя сторона

полна молвой об их злодействах... У них убийство — простое телодвижение?»

Ответ. «Путешествие в Арзрум».

Неуместность этого вопроса без соответствующих комментариев связана не только с его содержательной стороной, но и со стороной эстетической, и еще шире — с проблемой языковой агрессии [10, с. 97].

Хотя анализ конкретных вопросо-ответных комплексов пособия и сам по себе поучителен, он требует обобщения. Все дело в том, что вопросо-ответный комплекс, являющийся композиционной и содержательно-стилистической единицей специфических учебных дискурсов, составителями пособия в качестве таковой игнорируется, а между тем необходимо исходить из типологии вопросо-ответных комплексов (ВОК). Их диапазон достаточно широк, поэтому критерии такой типологии должны опираться на принципы теории познания, концепции нравственно-эстетического воспитания, целенаправленного вмешательства в формирование у школьника общей и языковой картины мира. Применительно к дидактике это, прежде всего, означает умелое интегрирование с такой его ориентацией, как воспитание творческой личности, готовой к постоянному, внутренне необходимому процессу пополнения своего интеллектуального, нравственного и эстетического капитала. Нельзя пройти в этом случае и мимо концепции одного из американских лидеров гуманистической психологии Абрахама Маслоу (1908–1980), предложившего целостную систему мотивации основных категорий человеческих потребностей (семи), высшими из которых являются потребность в творчестве и в самоактуализации личности. И кажется, по меньшей мере, странным, что в 2011 году издается пособие, в котором не проводится методическая грань между ВОК собственно эмоционально-интеллектуальной деятельности и ВОК компьютерного образца (существование у

учеников компьютера авторами игнорируется в целом):

Какого цвета были глаза у пушкинской барышни-крестьянки? (черного).

Каким именем ошибочно назвал Петрушку Ноздрев? (Вахромей).

Обозначение же крайних границ типологии ВОК можно представить, используя грамматическую традицию противопоставленности общевопросительного предложения частновопросительному (Что случилось? vs. Кто он?). На высшей ступени окажется ВОК с наиболее высоким интеллектуально-эстетическим и эмоциональным потенциалом, порождающим разветвленную сеть ассоциативно-речевых связей. По отношению к предмету «Русская литература» эти связи определяются историческим фоном, научно-философскими течениями, литературными традициями (содержательными и формализующими), эволюцией русской классической литературы со своей национальной спецификой как части мирового литературного процесса.

Времена бурных социально-исторических перемен чуть раньше или чуть позже сопровождаются вечной надеждой наилучшим образом передать «накопленное прошлое» «неугомонному будущему», сохранив при этом его неугомонность. Деятельность К. Д. Ушинского именно в 60-е годы XIX века, годы, знаменитые отменой крепостного права и другими реформами Александра II, всколыхнула и просветительскую деятельность, в которой первое место принадлежало великому педагогу. Его ученики и последователи, характеризуя его педагогическую деятельность, прибегали к метафоре: «Будто в темном и душном помещении вдруг отворили наглухо закрытые окна и впустили туда широкую струю света и воздуха» [5].

Запомним: «Света и воздуха!» — в качестве выразительной метафоры, предопределяющей наше направление на пути обновления школьного образования.

ПРИМЕЧАНИЯ

* Одному из своих корреспондентов С. А. Толстая писала, что после отлучения Л. Н. от церкви рабочими мальцевских заводов была изготовлена стеклянная глыба, на которой золотыми буквами была сделана надпись: «Вы разделили участь многих великих людей, идущих впереди своего века, глубоко-чтимый Лев Николаевич! И раньше их жгли на кострах, гноили в тюрьмах и ссылках. Пусть отлучают Вас, как хотят фарисеи «первосвященники». Русские люди всегда будут гордиться Вами, считая Вас великим, дорогим, любимым».

** Мистицизм — умонастроения и учения, исходящие из того, что подлинная реальность недоступна разуму и постигается лишь интуитивно-экстатическим способом, каковой усматривается в мистике.

Мистика (от греч. *mysticos* — таинственный) — религиозная практика, имеющая целью переживание в экстазе «непосредственного единения» с Богом, а также совокупность теологических и философских доктрин, оправдывающих и осмысляющих эту практику.

*** Положительные примеры пособий данного рода встречаются. Назову пособие, которое может быть рекомендовано для работы с указанной аудиторией: Русская литература в вопросах и ответах. XIX век: Учебное пособие для старшеклассников и поступающих в вузы / Чернец Л. В., Романова Г. И., Грачев А. П., Коточигова Е. Р., Арапова Н. С. / Под ред. Л. В. Чернец. М.: УНИВЕР-ПРЕСС, 2003.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Архимандрит Тихон*. Святые несвятые и другие рассказы. 4-е изд. М., 2012.
2. *Баландин Р. К.* Сто великих богов. М., 2002.
3. *Басинский П.* Святой против Льва. Иоанн Кронштадтский и Лев Толстой: история одной вражды. М., 2013.
4. *Будникова Н. Н., Полторжицкая Г. И.* Литература за 24 часа. (Библиотека учителя). Ростов н/Д, 2008.
5. *Водовозова Е. Н.* На заре жизни. М., 1964.
6. *Воронцов Д. Д., Маслов А. П.* 600 вопросов и 600 ответов по русской литературе. (Библиотека учителя). Ростов н/Д, 2011.
7. *Горская А. Я., Зорина М. В.* Русская литература (в вопросах и ответах): Учебное пособие для абитуриентов. СПб., 1997.
8. *Иоанн Кронштадтский*. Против графа Толстого, других еретиков и сектантов нашего времени. СПб., 1902.
9. *Кантор В.* Русская классика, или Бытие России. М., 2005.
10. *Романова Т. В.* Словесный экстремизм: манипулятивные речевые технологии // Журналистика и культура русской речи. 2012. № 62.
11. Русская литература в вопросах и ответах. XIX век: Учебное пособие для старшеклассников и поступающих в вузы / Под ред. Л. В. Чернец. М., 2003.
12. Русские писатели XIX — начала XX века: Библиографический словарь / Под ред. Н. Скатова. М., 1995.
13. *Сухих И.* Русская литература. XIX век // Звезда. 2006. № 4.
14. Чехов А. П. Переписка: В 2 т. Ч. II. М., 1984.
15. *Чисников Вл.* Тайное отпевание на могиле Л. Н. Толстого 12 декабря 1912 года // Нева. 2008. № 9. С. 219–228.

REFERENCES

1. *Arhimandrit Tihon*. Svjatye nesvjatye i drugie rasskazy. 4-e izd. M., 2012.
2. *Balandin R. K.* Sto velikih bogov. M., 2002.
3. *Basinskij P.* Svjatoj protiv L'va. Ioann Kronshtadtskij i Lev Tolstoj: istorija odnoj vrazhdy. M., 2013.
4. *Budnikova N. N., Poltorzhickaja G. I.* Literatura za 24 chasa. (Biblioteka uchitelja). Rostov n/D, 2008.
5. *Vodovozova E. N.* Na zare zhizni. M., 1964.

-
6. Vorontsov D. D., Maslov A. P. 600 voprosov i 600 otvetov po russkoj literature. (Biblioteka uchitelja). Rostov n/D, 2011.
 7. Gorskaja A. Ja., Zorina M. V. Russkaja literatura (v voprosah i otvetah): Uchebnoe posobie dlja abiturientov. SPb., 1997.
 8. Ioann Kronshtadtskij. Protiv grafa Tolstogo, drugih eretikov i sektantov nashego vremeni. SPb., 1902.
 9. Kantor V. Russkaja klassika, ili Bytie Rossii. M., 2005.
 10. Romanova T. V. Slovesnyj ekstremizm: manipuljativnye rechevye tehnologii // Zhurnalistika i kul'tura russkoj rechi. 2012. № 62.
 11. Russkaja literatura v voprosah i otvetah. XIX vek: Uchebnoe posobie dlja starsheklassnikov i postupajushchih v vuzy / Pod red. L. V. Chernets. M., 2003.
 12. Russkie pisateli XIX — nachala XX veka: Bibliograficheskij slovar' / Pod red. N. Skatova. M., 1995.
 13. Suhij I. Russkaja literatura. XIX vek // Zvezda. 2006. № 4.
 14. Chehov A. P. Perepiska: V 2 t. Ch. II. M., 1984.
 15. Chisnikov Vl. Tajnoe otepevanie na mogile L. N. Tolstogo 12 dekabrja 1912 goda // Neva. 2008. № 9. S. 219–228.

М. С. Власов

ВЛИЯНИЕ ПУНКТУАЦИОННОГО ОФОРМЛЕНИЯ ТЕКСТОВ СМС-СООБЩЕНИЙ НА ПОНИМАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ ИНТЕНЦИИ ПИШУЩЕГО

Эта работа выполнена в рамках общего направления по изучению русской пунктуации в коммуникативно-прагматическом аспекте. В качестве материала использованы тексты СМС-сообщений, содержащие предложения с синтаксической омонимией и синтаксической неоднозначностью, с различным пунктуационным оформлением однородных членов, обращений и обособленных приложений. Автором делается вывод о том, что в таких случаях расстановка знаков препинания в соответствии с правилами не всегда способствует верному пониманию коммуникативной интенции пишущего, а неправильная расстановка знаков препинания не всегда приводит к ее искажению.

Ключевые слова: русская пунктуация, синтаксическая омонимия, синтаксическая неоднозначность, коммуникативно-прагматический подход.

М. Vlasov

THE INFLUENCE OF SMS-TEXTS PUNCTUATION ON THE INTERPRETATION OF THE WRITER'S COMMUNICATIVE INTENTION

This paper is carried out within the general research area of the Russian punctuation study in communicative and pragmatic aspects. The research material studies is SMS-texts containing sentences with syntactic homonymy and syntactic ambiguity with various punctuation of parallel sentence elements, direct addresses and detached appositives. A conclusion is drawn that in such cases correct punctuation does not necessarily result in a better understanding of the writer's communicative intention, and incorrect punctuation does not necessarily cause misunderstanding.

Keywords: Russian punctuation, syntactic homonymy, syntactic ambiguity, communicative and pragmatic approach.